

Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи

Обзор юбилейного сборника

Богомолов О.Т. и другие. Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи. Научное издание. — М.: «Анкил», 2012. — 384 с.

К юбилею академика Олега Тимофеевича Богомолова выпущена книга совсем не с юбилейным интригующим названием: «Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи».

Да, это не юбилейное славословие, а очень серьезный научный труд коллектива авторитетных ученых со своим видением острейших проблем действительности. О виновнике юбилейного сборника рассказано на трех страничках в предисловии. К ним еще, пожалуй, можно присовокупить открывающую сборник статью вице-президента РАН академика А.Д. Некипелова. Александр Дмитриевич

открывает сборник не по причине своего высокого чина, а потому что почти треть века проработал под началом академика Богомолова. Его статья так и называется «Институт Богомолова». Автор пишет: «Имя Олега Тимофеевича вполне заслуженно заменяет официальное название института. Могу подтвердить, я сам на вопрос: «Где работаешь?» чаще всего отвечал, заменяя длинное название Института международных экономических и политических исследований коротким: «У Богомолова». Ведь у этого непубличного ученого обширнейшие связи в научном мире, которые позволяют ему переигрывать инаго ученого, не сходящего с экрана телевизора, участ-

вующего в разного рода публичных дискуссиях.

Статья, открывающая сборник, интересна тем, что автор, рассказывая о юбилеяре, проследживает эволюцию его взглядов и логично подводит к статье виновника появления сборника, объясняющей, что, собственно, кроется под интригующим названием «Глобальная экономика и жизнеустройство на пороге новой эпохи». Хотя Олег Тимофеевич и назвал свою, по сути, заглавную статью сборника дежурно и маловыразительно «Время перемен», он пишет о серьезнейших переменах, которые, увы, большинством обывателей не осознаются. А может, это самое большинство сознательно уходит от осознания перемен, поскольку совсем не ясно, к лучшему ли они. Не станет ли еще хуже, чем ныне? От чего уходим — понятно, но к чему придем? Сам автор, обращаясь к авторитету известного на Западе социолога У. Бека, предупреждает: «Современное общество, прежде всего в странах Запада, превратилось в общество риска, поскольку развитие культуры, мышления, социальных отношений отстает от технического прогресса» [1].

Далее автор как бы успокаивает читателя. Он пишет о том, что преодоление деструктивных сторон макросдвига и нахождение ответов на вызовы новой эпохи начинают занимать умы многих политиков, ученых и общественных деятелей. Хотя развитие научной и политической мысли и общественного сознания явно не поспевает за событиями, тем не менее, характер назревающих перемен уже поддается предвидению и оценке. Затем автор формулирует главное, стержневое: человек, его культура, знания, умение, здоровье, душевное состояние имеют ключевое значение для прогресса человечества. И потому стратегическим приоритетом становятся инвестиции не только и не столько в новую технику, сколько в чело-

Кривошеев Владлен Михайлович — журналист, кандидат экономических наук.

века. Не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя, доверие к лидерам государств, приверженность общечеловеческим нравственным ценностям. Это то, что называют социальным капиталом, наращивание которого все более становится залогом успеха всех экономических начинаний. К осознанию необходимости качественного сдвига в общественном развитии именно в этом направ-

Дальнейшее развитие цивилизации определяется в значительной мере человеческим фактором.

лении, а в сущности, в необходимости перехода к новой модели общественного и мирового устройства приходят многие философы, экономисты, политологи.

Короче говоря, дальнейшее развитие цивилизации, как осознали многие умы на планете, определяется в значительной мере человеческим фактором. При этом масштабные цивилизационные перемены глобальны, то есть носят всеобщий, всеобъемлющий характер, связывая и переплетая экономическую, социальную и культурную жизнь в нерасчленимую цельность. Доминантой

в этом процессе, подчеркивает О.Т. Богомолов, выступает экономическая глобализация, международное разделение труда, небывалый ранее размах международной торговли товарами, услугами, капиталами, правами собственности, в том числе интеллектуальной. «От культуры до преступности», утверждают западные исследователи. А мы добавим от себя — границы государств становятся условными. «Суть качественного сдвига, — пишет академик, — проявляется в том, что участие стран в мировой торговле уже перестает быть дополнением к их внутрен-

ней торговле, становится необходимым условием развития национальных хозяйств, а в ряде случаев главным условием экономического роста».

Статья академика изобилует конкретными примерами, расчетами, любопытными фактами. Необычайно интересны разделы статьи «Влияние глобального кризиса на общественную мысль» и «Поиск ответа на вызовы глобальных перемен». В последней главе автор выражает сожаление по поводу того, что большинство государств, в том числе и Россия, еще не сделали выводов из новой реальности. Отсутствует стратегия развития мировой экономики в условиях глобализации. У международных организаций, лидеров ведущих стран, ученых-аналитиков нет перспективного видения того, как использовать преимущества глобализации, одновременно избегая ее опасных последствий. Вот потому, как уже было сказано ранее, обыватель насторожен, живет в напряжении и даже страхе за свое будущее. Скорее всего, именно поэтому на планете разразилась эпидемия хронической усталости, поразившей до 80% жителей экономически развитых стран. Материального благополучия, как условия благополучия душевного, теперь недостаточно.

Человеку некомфортно в новых условиях.

Здесь уместно напомнить, что Олег Тимофеевич был инициатором и руководителем двух междисциплинарных проектов, революционных с точки зрения подхода к экономическим проблемам, когда собственно экономика отодвигается на второй план. Книги «Неэкономическое грани экономики: неосознанное взаимовлияние» [2] и «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние» [3] были изданы Институтом экономических стратегий, одним из руководителей которого является академик РАН Борис Нико-

тирования систем «человек — машина» с целью обеспечения эффективности, надежности и безопасности деятельности человека (группы людей).

Практически все годы советской власти огромные средства направляли на совершенствование материальной части производительных сил. Конструировали, изобретали, покупали за границей высокопроизводительные машины и механизмы. Кстати сказать, в 1980-е годы наша страна купила на Западе более 30 тыс. единиц новейшего оборудования

ножается, в конечной сфере общественного производства — потреблении. Человек должен иметь не ночлежку, а благоустроенное, хорошо оборудованное жилье, оснащенное бытовой техникой; иметь полноценный, сбалансированный рацион; неограниченную возможность получения образования, повышения квалификации, полноценного отдыха, духовного роста, нематериального обогащения. Короче говоря, иметь все возможности восстановления и развития живых производительных сил в совокупности — физических, интеллектуальных, эмоциональных. Иначе говоря, имеется в виду «воспроизводство главной производительной силы — человека, его духовных ценностей» (Б.Н. Кузык).

Международная торговля продовольствием представляет собой в скрытой форме взаимные поставки энергетических и водных ресурсов.

лаевич Кузык, доктор экономических наук, профессор, автор статьи «**Духовный и культурный подъем нации — предтеча социально-экономического подъема**». «Традиционно под экономикой понимают сферу воспроизводства материальных благ и услуг. Однако в структуре общества имеется еще одна не менее важная сфера воспроизводства, а именно воспроизводство главной производительной силы — человека, его духовных ценностей». Обратите внимание, и этот автор говорит о *человеческом факторе*, но уже о его воспроизводстве.

Что же это такое — человеческий фактор?

Одна из первых попыток раскрыть содержание данного понятия была предпринята в 1930 г. советским ученым Н.М. Добротворским, хотя сам термин был сформулирован позднее как результат перевода и сокращения выражения human factors engineering (буквально — техника человеческих факторов), используемого в США для обозначения как отрасли знаний, так и процесса проек-

и около 400 тыс. единиц технологической документации. Стоили все эти покупки немалых денег, а они все меньше и меньше отдавали того, на что были способны. Налицо падение эффективности капиталовложений. В чем дело, что за напасти, миллиардные средства «на ветер»?

Ученые докопались до причин: в совокупности производительных сил, состоящей из триады — орудия труда (машины), предметы труда (материалы) и труд (человек), — последний элемент стал тормозом в росте производительности. Первые два были способны давать больше, чем умел из них извлечь человек. Вот тогда и появился в широком пропагандистском обиходе этот специальный термин «человеческий фактор».

Но дальше выявления слабого звена дело практически не пошло. Думается, что становилась попеременно экономическая ограниченность, зашоренность, не позволявшая уразуметь, что *продуктивность работника умножается не в сфере производства (там силы расходуются), а в быту, там, где он восстанавливается и приум-*

В книге 18 глав, все они чрезвычайно интересны, поскольку раскрывают заявленную в названии сборника тему с разных позиций — даже трудно было предположить, что может быть столько аспектов ее раскрытия.

Из этого многообразия точек зрения на процесс глобализации я рекомендую в первую очередь остановиться на статье «**Великая геополитическая революция**». Ее автор историк, работающий в Институте экономики РАН, доктор исторических наук, профессор Карен Нерсесович Брутенц. В настоящем сборнике он выступает как знаток стран по старой терминологии «третьего мира», по нынешней — освободившихся либо развивающихся стран, которые, по его наблюдениям, выйдя на международную политическую арену, ускорили «бег истории».

К.Н. Брутенц, прежде всего, отмечает крупные изменения, которые произошли и происходят в балансе и расстановке сил в масштабе целых континентов и в планетарном масштабе, отмечает приток в историческое творчество новых сотен миллионов людей и явное падение влияния международных олигархов.

Карен Нерсесович приводит весьма примечательное признание авторитетного журнала *The Economist*: «XXI век формируется как век развивающихся стран, так же как XX был веком Америки, а XIX — веком Англии»¹.

«Подъем развивающихся стран, — пишет историк, — едва ли не главная черта нашего времени, которая и побуждает считать нынешнее столетие столетием великих перемен. Сегодня геополитическая и геоэкономическая картина мира выглядит совсем иначе, чем какие-нибудь четверть века назад. Идет небывалый перелив мощи, а отчасти и богатства, на Восток (Юг). Это подлинно сейсмический сдвиг в мироустройстве, и его значение и последствия еще предстоит осознать в полной мере».

Следующая статья **«Кризис мировой валютно-финансовой системы и пути ее рестройки»**. Автор Борис Аронович Хейфец, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, начинает свою статью с простого утверждения: глобальный финансово-экономический кризис 2008–2012 гг. еще раз показал, что мировая валютно-финансовая система (МВФС) нуждается

в коренной реформе. А после этой общедоступной мысли обрушивается на читателя всей своей валютно-финансовой эрудицией: «Проблема перестройки МВФС и создания новой мировой финансовой архитектуры стала обсуждаться после распада Бреттон-Вудской валютной системы в начале 1970-х годов и быстрой либерализации финансовых рынков, которая приводила к усилению рисков трансграничного кредитования и инвестирования». И дальше: «Чрезмерный рост финансовой экономики стал одним из самых серьезных рисков современного экономического развития. По оценкам экспертов McKinsey Global Institute, финансовая глубина (*financial depth*) экономики (соотношение традиционных финансовых активов и мирового ВВП) увеличилась с 261% в 1990 г. до 356% в 2010 г.

Если при оценке финансовой глубины глобальной экономики учитывать оборот торговли деривативами, роль влияния финансового компонента на современное мировое развитие будет еще более впечатляющей: эта торговля более чем в 11 раз превышает мировой ВВП. Заметим, что в острую фазу современного кризиса объем торговли этими финансовыми инструментами лишь не-

много снизился, а в июне 2011 г. он уже превысил объем предкризисного июня 2008 г. (708 трлн долл. по сравнению с 684 трлн долл.)».

Вне всякого сомнения, статья несколько сложна в изложении, настолько же интересна для финансистов, да и не только для них. Автор приводит потрясающие малоизвестные факты из жизни национальных финансовых институтов. Оказывается, в условиях обострения финансового кризиса активизировались попытки ужесточить финансовое регулирование на национальном уровне. Так, в 2010 г. финансовые регуляторы приняли 12 179 новых правил и постановлений, а в 2011 г. уже 14 215 (!). Но эти попытки отрегулировать в желаемом направлении деятельность банков не дали ожидаемых результатов. Развитие банковских кризисов в конечном счете приведет к полноценным экономическим кризисам. А здесь, отмечает автор, могут происходить такие серьезные потрясения, как распад еврозоны, закат евро и коллапс международной валютно-финансовой системы в целом, политические и социальные кризисы. Более того, эксперты МВФ предупреждают, что если финансовая глобализация будет продолжаться прежними темпами, то еврозона превратится в зону проблем.

Статья завершается благим пожеланием: «...необходимо значительно активизировать коллективные усилия всех членов международного сообщества в реформировании мировой валютно-финансовой системы и новой системы глобального регулирования. А для этого необходим поиск компромиссов на основе учета интересов всех участников такой системы».

Сдается, что сам автор не верит в подобный альтруистический порыв финансовых магнатов, для которых свои активы, деривативы, варранты, свопы и тому подобные денежные эквиваленты много

дороже мировых. Об «альтруизме» банкиров более ста лет тому назад хорошо рассказал Теодор Драйзер в своих «финансовых» романах. Они до сего дня актуальны.

Владимир Иванович Волошин, доктор экономических наук, профессор зав. сектором Института экономики РАН, в статье **«Перспективы решения глобальной энергетической проблемы»** рассказывает о борьбе за энергетические ресурсы в мировом сообществе. Борьба эта становилась все более жесткой, а международная энергетическая безопасность — все более хрупкой. Так автор коротко обозначил коллизию в топливном мире. Работа в немалой доле посвящена прогнозам потребления различных видов энергоносителей, их приросту и дефициту. Поиском новых видов топлива, технологий, производящих энергию, озабочены и ученые, и правящие круги. Все это само собой разумеющиеся страхи из-за ограниченности природных ресурсов, включая и продовольствие, и пресную воду. Научно-технический прогресс, способный разрешить коллизию, на что уповают специалисты, увы, пока отстает от темпов прироста жителей планеты. В конце 2011 г. нас было 7,0 млрд, а в 2050 г. будет, как ожидается, 9,5 млрд. Этот процесс усугубляется ростом числа горожан за счет сокращения численности селян, совсем скоро тех и других будет поровну. Селяне худо-бедно решали вопросы энергопотребления в немалой мере за счет «подручных» средств, выращивали продовольствие, используя локальные источники воды. Переселяясь в город, они становятся централизованными потребителями и первого, и второго, и третьего ресурсов.

Нет нужды комментировать статью, автор все проблемы энергетического комплекса и их разрешение, что называется, «разложил по полочкам» очень доступно и, главное, убедительно. Единственный пункт из перечня мер, разреша-

ющих проблемы энергокомплекса, вызывает сомнение — справедливое распределение рисков и баланс интересов между странами-производителями, транзитными странами и потребителями энергоресурсов, которые должны нести равную ответственность за обеспечение энергобезопасности. Должны, но не несут, уверяются от этой ответственности перед цивилизацией.

Совсем недавно мы стали свидетелями того, как пришлось обходить одного транзитера, прокладывая для этого трубопровод «Южный поток» по дну моря, на что было израсходовано более 1 трлн руб. Были и другие примеры государственного эгоизма, сводящего на нет упования на консолидацию стран в решении глобальных проблем современности. Достаточно вспомнить эпопею прокладки «Северного потока» по дну Балтийского моря в обход целой грозды стран-транзитеров, из корыстных соображений протестовавших против проекта.

Следующая статья, по сути, продолжает энергетическую тему, но на другом материале. Современный рацион жителя высокоиндустриальной страны с точки зрения энергетических затрат со-

стоит на 90% из нефти, газа и угля. Это утверждение из статьи **«Глобальный характер продовольственной проблемы и новые пути ее решения»**. Ее авторы — Ольга Валерьевна Фролова и Борис Ефимович Фрумкин, кандидаты экономических наук из Института экономики РАН.

С точки зрения другого природного ресурса — воды, он (рацион) от 14% (зерно) до 95% (свежие овощи и фрукты) состоит из воды. Мясо может содержать до 74% воды, рыба — 34%, даже сухое молоко и чай содержат до 5% воды. В этом смысле, утверждают авторы, международная торговля продовольствием представляет собой в скрытой форме взаимные поставки энергетических и водных ресурсов. Рост мирового производства продовольствия во многом обеспечивался именно повышением его водо- и энергоемкости. За истекшие 50 лет (1961–2008 гг.) при увеличении посевных площадей всего на 12% мировое сельхозпроизводство выросло в 2,5–3,0 раза, причем 40% этого роста обеспечило удвоение площади орошаемых земель, а остальное — наращивание прямых (топливо и электроэнергия) и косвенных (агрохимикаты) энергозатрат и усиление биологического фактора (внедрение новых сортов сельхозкультур и пород сельскохозяйственных животных).

Однако нынешнее сочетание постиндустриальной экономики в развитых и «новых индустриальных» развивающихся странах с доиндустриальным хозяйством в большинстве наименее развитых государств уже не позволяет рационально использовать природные ресурсы Земли для обеспечения едой, водой и энергией быстрорастущего мирового населения, особенно в условиях развернувшихся климатических изменений. На это указывают почти перманентные региональные и участвовавшие глобальные продовольственные и энергетиче-

ские кризисы, нередко совпадающие по времени и взаимно усиливающиеся.

Статья охватывает широчайший круг проблем нашего столетия, при этом высказываются неожиданные суждения, приводятся любопытные факты, «занимательная» статистика, примеры необычных путей разрешения продовольственной проблемы.

В статье **«Развитие транспортных и международных перевозок»** Леонид Борисович Вардомский, доктор экономических наук, профессор зав. центром Института экономики РАН, вычленил из множества составляющих проблем транспорта одну, можно сказать, локальную, для множества стран почти экзоти-

чными границами, которые также определяют долю международно-го транзита.

Глобальное экономическое пространство стало как бы более плотным, более доступным и удобным для освоения и прибыльного использования. Важнейшую роль в «сжатии» мирового пространства сыграла «контейнерная революция», позволившая многократно сократить время и расходы по перевалке грузов. В настоящее время около 90% так называемых генеральных грузов² перевозятся в контейнерах.

Автор отдельно рассматривает транзитные отношения России с постсоветскими странами. Читатель узнает массу интересных фактов не только о наших бли-

К «зеленой» экономике относят те виды и результаты хозяйственной деятельности, которые способствуют улучшению качества жизни и среды проживания.

ческую, но весьма актуальную для России — транзитные перевозки. Статью Леонида Борисовича можно смело включать в самые серьезные энциклопедии, поскольку в ней с энциклопедической полнотой излагается тема транзитных перевозок: дается исторический экскурс, раскрывается правовой аспект, инженерно-технический, технологический, географический, внешне-торговый, политэкономический, политический, социальный, охватываются все виды транспорта.

Развитие транзита сегодня обусловлено уже не столько особенностями транспортно-географического положения стран мира и географией их внешней торговли, сколько внедрением современных транспортно-логистических систем, а также процессами концентрации и унификации на мировом транспорте. Вместе с тем надо учитывать и то, что мир разделен 600 межгосударствен-

жайших соседях, но и о России, которую мы, россияне, казалось бы, знаем неплохо. Вот, например, мы не знаем (как это не знаем?), что Россия граничит по суше и морю с 17 странами. Такое число соседей — цифра уникальная, сопоставимая только с числом соседей у ЕС и Китая. Из этого факта вытекает огромный транзитный потенциал России, скрупулезно расписанный автором по странам, портам, грузам и т.д. Вступление в ВТО, оказывается, вызовет острую конкурентную борьбу за перевозки, пересмотр тарифной политики, географии транзитов, видов транспорта и т.д.

А мы ничего этого не знаем. Коротко говоря, в мире транзитных перевозок необычайное оживление. Над нашими головами парят миллионы тонн различных грузов, переносимых с Востока на Запад. В 2010 г. в небе России совершен 1 млн 100 тыс. (!) полетов воздушных судов 30 авиакомпаний мира.

Оказывается, быстро растут и автомобильные перевозки, в связи с чем сейчас на территории Казахстана в срочном порядке строится участок магистрали Западный Китай — Западная Европа. Бог даст, и на нашей улице будет праздник по случаю открытия участка современной автострады Пекин — Москва — Берлин, разумеется, за счет быстро развивающегося Китая и много потребляющей Западной Европы.

А вот еще малоизвестная сторона нашего бытия — **«Зеленая» экономика: новые тенденции и направления развития мирового хозяйства»**. Автор этой статьи — Борис Николаевич Порфирьев, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор зав. лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Он раскрывает понятие «зеленая» экономика, предупреждая, что его общепринятого определения не существует.

Эксперты по охране окружающей среды ООН предлагают рассматривать «зеленую» экономику как хозяйственную деятельность, «которая повышает благосостояние людей и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и обеднение природы». Как видит читатель, весьма общее определение. Автор, приоткрывая завесу над этой загадкой, пишет: «В русле более узкой трактовки, «зеленую» экономику понимают как разработку, производство и эксплуатацию технологий и оборудования для контроля и уменьшения выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов, мониторинга и прогнозирования климатических изменений, а также технологий энерго- и ресурсосбережения и возобновляемой энергетики. Сюда же включаются разработка, выпуск и использование технологий и материалов для защиты зданий и сооружений от резких колебаний температуры, влажности и ветровой нагрузки; производство экологически чистой продук-

ции, в том числе сельскохозяйственной (продукты питания, естественные волокна) и потребительских товаров (например, лекарств и предметов личной гигиены на естественной, природной основе без химических добавок). Иными словами, к „зеленой“ экономике относят те виды и результаты хозяйственной деятельности, которые наряду с модернизацией и повышением эффективности производства способствуют улучшению качества жизни и среды проживания. При этом практически во всех концепциях „зеленой“ экономики ее фундаментом выступает альтернативная, или экологически чистая, энергетика, основанная на использовании неуглеводородного топлива и энергоэффективных технологий.

Масштабы „зеленого“ сектора мировой экономики, по мнению специалистов, пока сравнительно невелики: стоимость производимой продукции и услуг оценивается в 2 трлн долл., или 2,7% мирового ВВП, прибыль — в 530 млрд долл., занятость — в пределах 10 млн человек».

На мой взгляд, „зеленая“ экономика — это попытка человека как-то защитить себя от той среды, которую он сам, простите за резкость, изгадил (кроме защиты жилищ от климатических натисков). Теперь выходит, что если у кого есть на то средства, то он найдет себе «чистый» уголок, а у кого нет, тому придется жить в среде, если и не враждебной, то малокомфортной, а то и вредной для здоровья.

В работе довольно подробно раскрываются достижения в «зеленой» экономике США и Евросоюза. Захватывающее чтение, в процессе которого вы тщитесь найти место России в этом «зеленом» строительстве. И не по причине невнимательности автора, упустившего Россию из поля зрения, а по причине отсутствия этой экономики в нашей стране. В завершение автор прогнозирует ускоренное развитие «зеленой» эко-

номики и называет факторы этого ускорения, а также пишет о ее перспективах, оправданных ожиданиях и пределах ее роста. Это, пожалуй, самые интересные части работы. Они насыщены конкретными примерами, расчетами, цифрами, фактами. Тут появляются новые субъекты: Китай, Индия, Бразилия, Австралия и Мексика.

Следом идут работы, посвященные региональным аспектам глобализации. **«Будущее процесса региональной экономической интеграции в СНГ».** Автор — Лидия Серафимовна Косикова, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН. **«Евразийская идея на постсоветском пространстве»** пера Светланы Павловны Глинкиной, доктора экономических наук, профессора заместителя директора Института экономики РАН, и Игоря Ивановича Орлика, доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института экономики РАН. **«Перспективы формирования общего евразийского пространства — евразийского союза».** Автор — Борис Александрович Шмелев, доктор исторических наук, профессор зав. центром Института экономики РАН. **«Проблемы формирования новой модели развития в странах Центрально-Восточной Европы»** Дмитрия Сергеевича Маркова, доктора экономических наук.

Ни в коем случае не следует полагать, что статьи объединены мной в «региональный блок» по причине одинаковости подходов в анализе, единой точки зрения на протекающие процессы. Они разные, и каждая по-своему интересна, богата малоизвестными, а то и неизвестными фактами о взаимоотношениях России с ближайшими и «отдаленными» соседями.

Есть в сборнике две статьи, стоящие особняком по отношению к заявленной в его названии теме, но, безусловно, чрезвычайно привлекательные для россий-

ского читателя. Первая — **«Превращение Китая в мощнейшую державу мира и прогноз возможных геополитических последствий».** Вторая — **«Современная „китайская модель“ и ее трансформация».** Автор первой — Владимир Яковлевич Портяков, доктор экономических наук, профессор заместителя директора Института Дальнего Востока РАН, автор второй статьи — Людмила Ивановна Кондрашова, доктор экономических наук, главный научный сотрудник того же института, китаевед.

Я не буду пытаться их аннотировать, слишком много придется пересказывать, чтобы передать их содержание. Думаю, вполне достаточно просто заявить, что в обозреваемом сборнике есть такие статьи. Читатель мимо них не пройдет. Современный Китай не только интересует, но и, чего скрывать, немало тревожит россиян.

Многоопытный германист, автор двух монографий, 270 научных трудов по проблемам европейской безопасности, внешней политики России, международным и российско-германским отношениям, член редколлегии российско-германского журнала *Politekonom*, член правления

Фонда Marion-Doenhoff, участник Великой Отечественной войны Вячеслав Иванович Дашичев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, на сей раз задался вопросом «**Какая модель общественного развития нужна России**».

С первых же строк автор четко и категорично определил свою позицию, которую, можно не сомневаясь, разделяет абсолютное большинство представителей старшего поколения: «Сегодня нельзя сказать, что Россия уже нашла свое „место под солнцем“ и определилась в выборе своей социально-политической и экономической системы. За прошедшие 20 лет наш народ сполна испытал внезапно свалившиеся на него „прелести“ новоявленного капитализма».

Логично возникает вопрос: что же нужно сделать, чтобы избавить Россию от худшего, каков должен быть ее путь в будущее? Вячеслав Иванович пишет: «Ответить на эти вопросы невозможно, не опираясь на социальную теорию. Но она, как и вся наука, оказалась у нас в полном загоне, не востребованной „верхами“. А без теории нет целенаправленного развития на благо страны и народа. Общество, которое узурпировавшие власть лишили возможности познать себя и способности совершенствоваться, которое пребывает в теоретических потемках, обречено на деградацию».

Научное обобщение опыта функционирования социализма и капитализма в России (Советском Союзе) приобрело сегодня особую актуальность. Смысл таких научных поисков заключается в том, чтобы найти правильный вектор развития страны, пути вывода ее из тяжелого кризисного положения, в котором она оказалась после 1992 г., и не допустить ее полной экономической, социальной и нравственной деградации, а тем более распада. Не слу-

чайно не только в нашей стране, но и на Западе, охваченном глубоким системным кризисом, наблюдается повышенный интерес к вопросу: „А что же дальше?“

В этом свете понятен повышенный интерес, проявляемый ныне к теории конвергенции общественных систем, применение которой может привести к созданию новой, демократической, синтетической модели социального развития с использованием лучших жизнеутверждающих черт социализма и капитализма. Очень правильно об этом сказал писатель А.Г. Битов: „Мы взяли все худшее от Запада и потеряли все

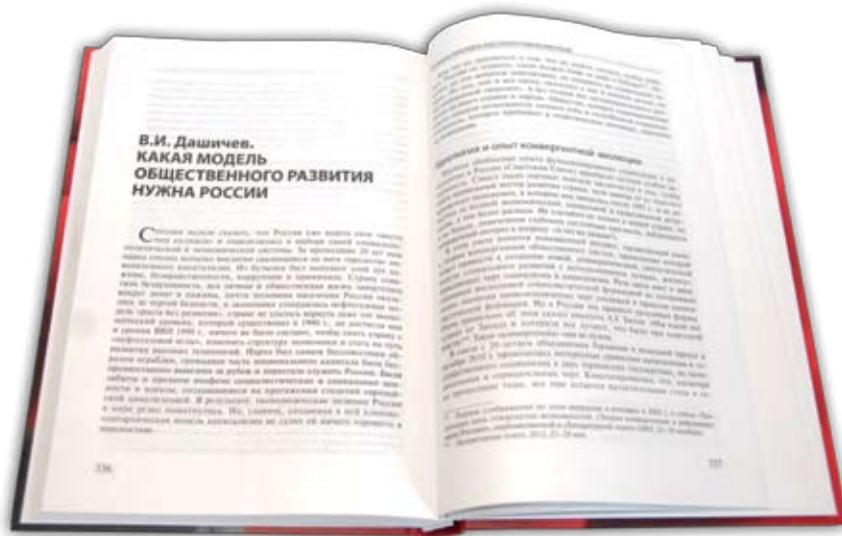
В Советском Союзе культура денег и богатства не было, духовная жизнь была не в пример нынешней.

лучшее, что было при советской власти“. Такая „конвергенция“ нам не нужна.

В связи с 20-летием объединения Германии в немецкой прессе в октябре 2010 г. проводились интересные сравнения капитализма и государственного социализма в двух германских государствах, их положительных и отрицательных черт. Констатировалось, что, несмотря на прошедшие годы, все еще остается разделительная стена в головах многих восточ-

ных и западных немцев в духовном восприятии социально-политических реальностей <...> Речь идет не об историческом споре между капитализмом и тоталитарным социализмом сталинского социализма, которая могла бы возникнуть в Советском Союзе и других странах в ходе перестройки, если бы не первый на советском пространстве „оранжевый“ государственный переворот, совершенный кланом Ельцина и стоявшими за ним внешними силами... Исторический спор между идеями социализма и капитализма широко представ-

лен ныне в политических исследованиях и народных движениях многих стран. Поразительно, что он затронул даже общественную мысль цитадели капитализма — США. Например, американский политолог преподаватель Оксфордского университета Джеральд Коэн в 2009 г. опубликовал в США труд под знаменательным названием: „Социализм — а почему бы и нет?“. В 2010 г. он был издан и в Германии. Свой труд он закончил словами: „Я согласен с Альбертом Эйнштейном, сказав-

шим, что социализм — это попытка человечества „преодолеть грабительскую фазу человеческого развития“, то есть капитализм. Эти идеи Эйнштейн изложил в своей статье „Почему социализм?“, напечатанной в мае 1949 г. в американском журнале Monthly Review. Дж. Коэн считает, что, хотя попытки утвердить социализм в Советском Союзе не привели к желаемому успеху, было бы неправильно отречься от осуществления социалистических идей».

Тут надо вклиниться и сказать, что никакого социализма в Советском Союзе не было, а был махровый государственный капитализм, который прикрывали привлекательной социалистической идеей, не более того. Принцип «от каждого по способности, каждому по труду» не действовал. В зарплату шло не более 20% от вновь созданной стоимости и 20% в общественные фонды потребления. Так было создано мощное, богатое государство при бедном и бесправном населении. Однако культура денег и богатства не было, духовная жизнь была не в пример нынешней. Идеализация прошлого от противного сегодняшнего. Воистину все познается в сравнении. А как там, в странах реального социализма, — Канаде, Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Финляндии и других? Наберите в каком-нибудь поисковике «расходы бюджета» или «соци-

альные программы» и сопоставьте с нашими, аналогичными, и все станет ясно.

Пока идут научные дискуссии, пока ученые думают, как скрестить капитализм с социализмом, в США уже встали на путь реализации принципа «от каждого по способности, каждому по потребности», о чем свидетельствует распределение бюджета США: 66,1% пошло на социальные нужды — здравоохранение и образование. Не признавая этого из идеологических соображений, там пошли «по пути, указанному К. Марксом». Рост социальных расходов идет широким фронтом: это продуктовые талоны, медицинские страховки и налоговые вычеты для неимущих, пособия по безработице, социальное жилье. Если демократы останутся у власти и их курс будет сохранен, в 2016 г. эта цифра вырастет до 69%.

Капитализм и коммунизм не параллельно существующие формации, а последовательно сменяющиеся. От менее эффективной к более продуктивной — в этом прогресс цивилизации: рабовладчество, феодализм, капитализм, социализм, коммунизм. Что потом? Поживем, увидим.

Сергей Юрьевич Глазьев, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, в предзавершение сборника выступил со статьей

«О стратегии развития экономики России в условиях глобальной нестабильности». И на этот раз он говорит о необходимости смены технологического уклада. Смена техноукладов это его «конек». Помню, как на одной из конференций, посвященной Н.Д. Кондратьеву, Сергей Юрьевич очень доказательно говорил о необходимости опережающего перехода на биотехнологии, о которых тогда еще мало кто из экономистов что-либо знал. И если бы он был услышан, то хозяйство страны получило бы очень большой шанс занять место среди мировых лидеров. Но, увы, не услышали...

«Доминирующему все еще в экономической теории и практике подходу свойственно упрощать действительность, — вступает автор в тему, — линейно экстраполировать тенденции, принимать стандартные решения в расчете на повторение вчерашних успехов. Когда-то советское руководство верило в превосходство централизованного планирования над рыночной стихией, не задумываясь над причинами нарастающего технологического отставания. Сегодня, наоборот, расчет делается на рыночную самоорганизацию без должной оценки причин деградации российской экономики и ее превращения в сырьевой придаток более успешных стран. И нет пророка в своем отечестве: заблаговременные прогнозы ряда российских ученых о надвигающемся глобальном кризисе не были замечены руководителями экономических ведомств, увлеченных игрой на повышение котировок ценных бумаг и наивно уверовавших в устойчивость российского финансового рынка. И сегодня игнорируются научно обоснованные предложения по преодолению этого кризиса и развитию российской экономики. Между тем за флуктуациями спекулятивного капитала, вздутием и коллапсом финансовых пузырей, сжатиями мировой торговли кроются тектонические сдвиги

в технологической структуре экономики. Обеспечивавший в течение последней четверти века ее рост технологический уклад исчерпал свои возможности, и соответствующая ему длинная (кондратьевская) волна экономической конъюнктуры пошла на спад».

Оказывается, «при смене технологических укладов меняется не только технологическая

Структурная составляющая глобального кризиса определяется сменой технологических укладов и соответствующих им длинных волн экономического роста. Выход России из такого кризиса связан с обновлением и структурной перестройкой экономики на основе нового технологического уклада, что предполагает резкое повышение инновационной и инвестиционной активности. Предпринимаемые в настоящее время стимулирующие меры общего характера дают лишь временный эффект смягчения рецессии. Как только государство начинает сворачивать программы господдержки, возникает новая волна спада. Так будет продолжаться до возникновения устойчивых кластеров производств нового технологического уклада, рост которых выведет экономику из турбулентного состояния на траекторию устойчивого роста».

Автор довольно подробно с привлечением конкретных фактов и примеров, ссылками на опыт других стран, приведением итогов собственных исследований излагает стратегию развития экономики, оказавшейся в особых условиях — всеобъемлющей нестабильности. Справедливо подчеркнуть, что автор тем самым взвалил на себя громадную ответственность, ведь это рекомендации не анонима, а известного ученого, отдающего себе отчет в том, что такое публичная ответственность.

Завершается сборник статьей юбиляра. На сей раз О.Т. Богомолов выступает в необычном для него жанре — исповеди: **«Вместо заключения. Наши исследования не были напрасными»**. Собственно, это статья-справка о том, что представлял собой Институт Богомолова. С конкретным перечислением «славных» дел, побед и разочарований, перечнем, как сказал классик, «болеи, бед и обид».

Вот пассаж из этой заключительной главы сборника: «Возгла-

вив в этот период Институт экономики мировой социалистической системы, я, однако, имел свои планы. В условиях ужесточения идеологического контроля единственной возможностью сказать о чем-то новом, о тех переменах, которые могут произойти и в СССР, было изучение и разъяснение опыта других стран, уже начавших искать новые пути. Понятно, что такое направление исследований было достаточно рискованным.

И скоро, в начале 1970-х годов, мы почувствовали, что наша активность в защиту югославского рыночного социализма и экономической реформы, начавшейся после 1968 г. в Венгрии, не находит понимания у тех, кому мы направляли свои аналитические записки и доклады. Более того, в них усматривался ревизионизм. Секретарь ЦК КПСС прямо потребовал пересмотреть нашу позицию. Тем не менее, институт не мог погрешить против истины и отказывался от предложений «вскрыть порочность» предпринимаемых реформ.

Нажим из Москвы заставил Я. Кадара освободить от работы в ЦК ВСРП архитектора венгерских реформ Реже Ньерша и перевести его на должность директора академического Института экономики. Вскоре Р.Ньерш получил от нашего института приглашение посетить Москву в рамках научного сотрудничества.

Думаю, что институт, несмотря на все сложности, сумел использовать возможности объективных исследований, которые нам давало то время. Мы информировали и «инстанции», и широкую научную общественность о поучительном опыте соседних стран, выступали в поддержку возникающих научных концепций и политических инициатив по демократическому обновлению социалистического устройства. Может быть, этого было недостаточно. И сегодня находятся критики, ко-

структура экономики, но и ее институциональная система, а также состав лидирующих фирм, стран и регионов. Для отстающих стран открывается окно возможности опережающего развития на волне роста нового технологического уклада. Те из них, кто успевает раньше других освоить составляющие его производства, вырываются вперед, оседлав новую длинную волну экономического роста. Именно таким образом совершались экономические чудеса в Великобритании в XVIII–XIX вв., в России и США в конце XIX — начале XX в., в послевоенной Японии и новых индустриальных странах, на этой основе идет взрывной рост экономики Китая в настоящее время.

торые упрекают нас в умеренности, в том, что мы не заняли позицию резкого отрицания и неприятия наших собственных порядков. Но ведь максимализм, открытое несогласие с существующей политикой влекли за собой разгром. Да и теперь „несогласным“ несладко живется.

Наша задача — задача исследовательского коллектива — состояла в том, чтобы объективно анализировать происходящие события, а не объяснять их, руководствуясь идеологическими догмами. Мы стремились в комплексе и взаимосвязи рассматривать политическое, идеологическое и эконо-

ренней и внешней политики. В одном из докладов говорилось об ошибочности развертывания ракет средней дальности, нацеленных на Западную Европу, что, как известно, нам дорого обошлось. Мы считали бесперспективной, противоречившей государственным интересам политику идеологического, политического и военного присутствия в целом ряде африканских государств, которые относились к странам так называемой социалистической ориентации. Институт указал на губительные последствия афганской авантюры, направив сразу же после вторжения в Афганистан доклад в ЦК КПСС с рекомен-

значенных для руководства стран СЭВ, предлагались меры по преодолению международной конфронтации и холодной войны. В этих работах нашли отражение взгляды сотрудников института. Мы считали, что пора покончить с политикой гегемонизма и мессианства, перестать руководствоваться в международных отношениях классово-идеологическим подходом, свернуть разорительную гонку вооружений и устранить раскол Европы. Участники проектов подчеркивали, что следует сосредоточиться на решении внутренних проблем — укреплении экономики и реформировании ее управления, консолидации общества на демократической основе, а также на совершенствовании форм и методов взаимного политического и экономического сотрудничества, внося в него новые принципы и подходы.

Научные позиции института, так или иначе, обеспечили ему признание среди научной общественности не только стран Центральной и Восточной Европы, Китая и Вьетнама, но и стран Запада.

Горбачевская перестройка явилась отдушиной для творческой научной мысли. Она шаг за шагом раскрепощала наши исследования от идеологических табу, позволяла вторгаться в неприкасаемые области общественной науки. Но каждая неортодоксальная трактовка прошлых и настоящих событий делала наших ученых объектом нападков со стороны консерваторов.

Так было с постановкой вопроса о наличии антагонистических противоречий при социализме, переосмыслением его сталинской модели. Так было с попыткой дать современную оценку XX съезду КПСС, индустриализации и коллективизации в СССР. Ту же реакцию неприятия вызвало предложение похоронить брежневскую доктрину ограниченного суверенитета и осудить военное вторжение в Чехословакию и т.д. И, тем не

Опыт многих стран последнего десятилетия говорит скорее в пользу целесообразности сохранения известной преемственности с социалистическим прошлым, чем наоборот.

мическое развитие. Обычно такому синтезу выводов различных отраслей знаний мешала специализация и организационная разобщенность экономических и политических исследований. Между тем развитие экономики той или иной страны во многом находится под влиянием политики, то есть зависит от целей, поставленных правящей элитой. Не менее важно и обратное влияние экономики, ее важнейших агентов на политику. В процессе наших исследований мы неоднократно убеждались, что политические интересы, идеология власть имущих надолго деформируют экономические законы. Это рано или поздно приводит к взрыву, если вовремя не вскрывать и не исправлять деформации, не корректировать политику.

Сотрудники института, увлеченные реформаторскими идеями, обращали внимание в своих работах на неотложность существенных коррективов нашей внут-

дацией отозвать войска. В его работах содержались предложения, способствующие развитию интеграции и обеспечению равноправного и взаимовыгодного характера нашего экономического сотрудничества как в рамках СЭВ, так и с Китаем, Индией, странами Запада. Мы считали, что в политике КПСС и советского государства по отношению к социалистическим странам не следует ориентироваться только на лидеров этих стран, а необходимо поддерживать связи и с общественными организациями и движениями, представлявшими зарождающуюся оппозицию властям.

В докладах наших сотрудников раскрывалась истинная картина и социальная подоплека событий в Польше в 1970 г. и 1980 г. Ученые института предвидели неизбежность революционных перемен в странах социализма, но не смогли предсказать их форму и глубину. В серии международных докладов по проекту „Звезда“, предна-

менее берусь утверждать, что институт своими разработками способствовал проникновению идей реформирования в общественное сознание и головы руководителей, помог приступить к перестройке в Советском Союзе. А наша перестройка, в свою очередь, дала мощный импульс процессу демократизации и обновления в странах Центральной и Восточной Европы.

Многие утверждают, что в принципе невозможно реформировать „социалистические“ общества, что их крушение было неизбежным. Но ведь существует китайский опыт, который не согласуется с такой трактовкой. Внедрение рыночных инструментов в Китае не сопровождается разрушением без разбора всего того, что было до начала реформ. Переход к рынку совершается там не грабительскими и дикими методами, а с учетом социальной ориентации общества и важной роли государства. Опыт многих стран последнего десятилетия говорит скорее в пользу целесообразности сохранения известной преемственности с социалистическим прошлым, чем наоборот. И в тех странах, где с этим посчитались, удалось в ходе коренных преобразований избежать тяжелых просчетов. До сих пор нет ни практических, ни теоретических доказательств нереальности существования смешанного общества, в котором рыночная экономика имеет четко выраженную социальную ориентацию, формируемое демократическим путем государство выступает гарантом социальной справедливости и представителем интересов широких слоев населения, а не узкой группы промышленно-финансовых магнатов... Нет возможности перечислить всех, кого я отношу к „золотому фонду“ института. Некоторые из наших ученых проявили себя и как политические деятели, яркие публицисты, способные дипломаты. Из числа работающих и работавших в институте ученых трое стали действитель-

ными членами и пятеро — членами-корреспондентами Российской академии наук.

Институт предоставлял кров и защиту тем, кто из-за своих смелых взглядов или жизненных обстоятельств попадал в число отверженных и находился на особом „учете“ в отделе науки ЦК КПСС».

Свидетельствую (как очевидец и бывший сотрудник Института Богомолова), что к их числу относятся Отто Лацис и Геннадий Лисичкин, попавшие в опалу и лишившиеся работы из-за несовместимости их взглядов с точкой зрения партократов. Выступив против ввода танков в Прагу в августе 1968 г., я потерял работу и пробыл случайными заработками, пока меня не «подобрал» Олег Тимофеевич, доверивший мне руководить сектором Чехословакии — знал язык, имел связи с высокопоставленными чехами, выказывавшими мне признательность за защиту «Пражской весны».

«...История знает немало общественных деформаций, — пишет автор завершающей главы этой необычной коллективной работы, — думаю, что мы являемся свидетелями очередной из них. Но рано или поздно ошибочность господствующего обще-

ственного мышления и поведения обнаруживает себя, нередко через кризисы, катаклизмы, революционные взрывы, и научная истина, остававшаяся непризнанной, берет верх в сознании политической элиты и общественности. Поэтому я не прихожу в уныние от того, что многое из высказанного мною в книгах и статьях, как по вопросам международного экономического сотрудничества, так и нашей реформы общественно-экономического устройства, не воплотилось в практику. Она, стало быть, пока не могла подтвердить правоту или ошибочность моих взглядов, но, думаю, и не опровергла их. А опыт других стран и общества говорит о том, что многие из моих рассуждений не были уж столь абсурдными».

ПЭС 13010/21.01.2013

Примечания

1. The Economist. 2011. June 12th (англ. «Экономист») — влиятельный еженедельный англоязычный журнал, издается в Великобритании с 1843 г. В 2012 г. тираж превысил 1 600 000 экземпляров, более половины из которых были проданы в Северной Америке.

2. Штучный груз, продукция, которая перевозится в упаковке, в отличие от груза, перевозимого наливом (нефть и другие жидкости), навалом или насыпью (зерно, руда, уголь).

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

2. Неэкономические грани экономики: неосознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. междисциплинарного проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. междисциплинарного проекта Б.Н. Кузык. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — 800 с.

3. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / Рук. исслед. проекта, науч. ред. О.Т. Богомолов. — М.: Институт экономических стратегий, 2008. — 440 с.